

В этих глубоких и безмятежных черных, как смоль, глазах отражался свет свечи, а за ним виднелась фигура Чжи Янь.

Мо Цин пристально посмотрел на меня, но после первоначального удивления его веки опустились, чтобы скрыть замешательство. Когда он снова поднял глаза, в них как будто стоял густой туман, скрывающий все его чувства.

Мо Цин поднял руку и взял меня за запястье.

Я приподняла бровь. Ох, юноша, это твое движение было очень соблазнительным. Если ты так и будешь тянуть меня вперед, я точно упаду на стол. Когда этот момент настанет, мог бы ты повторить мои действия, взять меня за подбородок и позволить себе некоторые вольности? После ты мог бы открыть мне свои чувства и честно рассказать о своих планах...

Я думала об этих вещах, но, в конце концов, Мо Цин оставался Мо Цином, и то, что он думал и принимал во внимание, совершенно не совпадало с моими представлениями.

Он просто мягко убрал мою руку и, взглянув на меня, бросил: «Непослушная ученица».

Непослушная... непослушная ученица?

Ах... Верно, если сейчас говорить о статусах, то я действительно была его ученицей. Поэтому для меня было крайне безнравственно взять его за подбородок и насильно поцеловать. Но...

Он встал, слегка повернул голову и шагнул глубже в комнату, чтобы внимательно рассмотреть Небесный меч, делая вид, что рассеянно спрашивает: «Как твоя рана?»

Рядом со мной Чжи Янь прерывисто пробормотала: «Великая повелительница демонов, похоже, он убегает и хочет сменить тему. Спроси его снова, потому что мне очень любопытно. Знал ли он, что ты только что его поцеловала?»

Ты смотришь пьесу? Как будто я не заметила, что он меняет тему разговора! Неужели мне нужно было, чтобы ты по глупости напомнила мне об этом?

За спиной Мо Цина я воспользовалась возможностью с отвращением закатить глаза на Чжи Янь, а затем сразу же подошла к нему и небрежно ответила на его вопрос: «Рана от меча была глубокой, так что она заживет не очень быстро». Встав рядом с Мо Цином, я пристально посмотрела на него и спросила: «Итак, учитель, ты почувствовал что-нибудь необычное прямо сейчас?»

Мо Цин посмотрел на окно, которое только что было разбито большой черной птицей, и выражение его лица стало серьезным, что придавало ему некоторую торжественность. Это был его обычный вид при встрече с другими людьми, поэтому он, вероятно, хотел избежать

разговора. Но мгновение спустя я поняла, что ошиблась. Он просто с достоинством ответил мне этими двумя словами: «Нет, ничего».

- Ты вообще ничего не почувствовал?

- Ничего.

Когда он закончил разглядывать меч и небо снаружи, он начал рассматривать предметы на длинном столе вдоль стены.

Я стояла между ним и стеной, так близко, что его взгляд мог упасть только на мое тело.

- Но только что, учитель, когда ты пил чай, ты едва заметно сжал губы.

Тело Мо Цина застыло, и он отвернулся, но, в конце концов, все же встретился со мной взглядом. На этот раз он не стал избегать меня и ответил: «Разве ты не очень наблюдательна?»

Всё закружилось у меня перед глазами, и я подумала, что если сегодня не смогу вывести Мо Цина на чистую воду, то и он не сможет ничего выведать у меня. Как раз в тот момент, когда я обдумывала, какую несуразицу сказать ему на этот раз, Мо Цин внезапно сузил глаза и снова спросил: «Поцеловала ли меня Лу Чжао Яо или нет, это так важно?»

Он сделал небольшой шаг вперед.

Я вдруг почувствовала себя немного подавленной. Поэтому я немного отступила, и оказалась зажатай между ним и стеной, так, что моя пятка ударилась о стену. Отступить дальше было невозможно.

Мо Цин продолжал спрашивать: «Чувствовал я что-то или нет, так ли это важно?»

Я покачала головой: «Не так уж важно, на самом деле».

Он поднял руку и, подражая моим прежним движениям, схватил меня за подбородок. Его глаза таили в себе некоторую опасность, но в то же время были чрезвычайно притягательны: «Значит, ты действовала так только что во имя Лу Чжао Яо, чтобы позволить себе вольности с твоим учителем?»

Нет... прямо сейчас мне казалось, что это ты, учитель, позволяешь себе вольности со мной.

Я хотела сопротивляться, но совершенно не ожидала, что между Мо Цином и мной практически не останется пространства. В ситуации с такой неоднозначной атмосферой, как

эта, у меня на самом деле... не было сил сопротивляться.

Он использовал пальцы руки, чтобы слегка приподнять мой подбородок. Мы стояли так близко друг к другу, что я слышала, как сильно бьется его сердце, и ощущала улыбку, скрытую в его словах: «Это нарушение общественных норм».

- Ту-дум... - эти четыре слова сопровождалось звуками его бешено бьющегося сердца, которое все ближе и ближе подбиралось к моему дыханию. И вдруг в этот момент!

- А-а-а! Ради меня, ребята, вы должны остановиться, прежде чем заходить слишком далеко!

Резкий крик рядом со мной внезапно разорвал мои барабанные перепонки. Вскоре после этого я миг была выброшена из тела Чжи Янь. Когда я обернулась, то увидела, что Чжи Янь вновь обрела свое тело и, положив обе руки на плечи Мо Цина, безжалостно оттолкнула его.

Мо Цин отступил на шаг, выровнялся, и все прежние смешанные эмоции в его глазах исчезли. Он был таким же холодным и элегантным, как и прежде. Не говоря ни слова, он посмотрел на Чжи Янь, которая зарылась в свое одеяло и завернулась в него, как в трубу.

Чжи Янь лежала, дрожа, очень долго. Она так нервничала, словно ее казнили на гильотине: «Учи-учи-учи-... уже поздно, ты, ты, ты...»

- Ли Чэнь Лань!

По сравнению с бессвязной речью Чжи Янь, слова другого человека были намного более прямыми. Это был крошка Гу Хань Гуан, который сердито ворвался в комнату. Он абсолютно точно заметил, где расположилась Чжи Янь, и сразу же спросил Мо Цина: «Шэнь Цянь Цзинь... Почему ты запер ее у меня?!»

Мо Цин уже успел стабилизировать свои эмоции, поэтому, когда он увидел Гу Хань Гуана, совершенно спокойно ответил: «Она может быть заперта в другом месте, но тогда ее безопасность нельзя будет гарантировать».

Он подразумевал, что для Шэнь Цянь Цзинь находиться в плену у Гу Хань Гуана было самым безопасным выбором во всей фракции Вань Лу.

Он знал о прошлых отношениях между Шэнь Цянь Цзинь и Гу Хань Гуаном.

Если подумать, то Мо Цин стоял у истоков основания фракции Вань Лу. В то время, не будь он так юн и некрасив, и обладай хоть толикой таланта, он мог бы легко занять блестящее положение, даже если бы не убил меня.

В те годы, когда я основала фракцию Вань Лу, еще до полного набора четырех глав пиков, Мо Цин должен был быть хорошо осведомлён о наших делах. Кроме того, был еще Сыма Жун, его младший брат по учителю. Как глава Западного пика, он, вероятно, не уступал ни одному из подчиненных ему людей.

Гу Хань Гуан стиснул зубы и сдержался: «Ей не место у меня».

- Но почему?

- Я боюсь, что она... - первоначально Гу Хань Гуан хотел прямо опровергнуть слова Мо Цина, но когда он поднял голову, чтобы посмотреть на него, мгновенно ощутил разницу между собой и Мо Цином. Обычное высокомерное выражение в его глазах тут же исчезло. - Ах... верно, - он холодно улыбнулся, - даже если я исчерпаю все средства, в моём нынешнем положении, я, вероятно, не заставлю ее любовный яд активироваться снова.

Мо Цин не ответил ему. Он только слушал, как Гу Хань Гуан холодно кашлянул несколько раз. Его тело, очевидно, было телом ребенка, но в этот момент оно, казалось, страдало от превратностей судьбы старика.

Гу Хань Гуан повернулся, чтобы уйти, но, подойдя к двери, бросил: «Я слышал, что кто-то ищет тебя во дворце Уэ. Ты проводишь весь свой день, не заботясь о делах, предпочитая сопровождать эту девчонку, сеющую хаос». Гу Хань Гуан хитро посмотрел на Мо Цина: «Разве ты не боишься, что Лу Чжао Яо вернется, чтобы найти тебя и взыскать с тебя долг?»

Услышав это, Мо Цин тихо рассмеялся, но ничего не сказал Гу Хань Гуану. Он повернул голову, чтобы посмотреть на Чжи Янь, которая все еще отступала, завернувшись в одеяло. Затем, используя технику мгновенного перемещения, он покинул комнату.

Я стояла у двери, глядя на далекий дворец Уэ. Душа Чжи Янь скользнула из тела, оставив его завернутым в одеяло, и подошла ко мне. Мы с ней вместе смотрели вдаль.

- Он ушел?

Я повернула голову и искоса взглянула на нее: «Всего минуту назад ты опрометчиво выбила меня из своего тела. Зачем?»

- Если бы я не остановила тебя, вы бы поцеловались! Кроме того, не забывай, ты используешь мое тело, чтобы сделать это!

Я прищурилась и внимательно посмотрела на Чжи Янь сверху вниз: «Много ты знаешь! Я проверяла его».

- Что?

- Проверяла, кто же все-таки нравится Ли Чэнь Ланю.

- Что ты имеешь в виду?..

Наконец до нее дошло: «Ты пытаешься понять, нравится ли Ли Чэнь Ланю мое тело или ты, скрывающаяся в моем теле?»

Я скрестила руки на груди, встала, прислонившись к двери, и постаралась объяснить ситуацию Чжи Янь словами, соответствующими уровню ее интеллекта: «Сначала я спросила его, чувствует ли он, что Лу Чжао Яо поцеловала его или нет. Если в его сердце нет вины, и он что-то почувствовал, тогда сказал бы «да», если он ничего не ощутил, он сказал бы «нет», но он решил уклониться. Кроме того, он не спросил, где Лу Чжао Яо, и даже не спросил, почему Лу Чжао Яо поцеловала его. Он избегал ответа, очевидно, потому, что его сердце взволновано...»

Рот Чжи Янь дернулся, и она немедленно прервала мои слова: «Это все еще нужно проверять? И слепой заметит, что ты ему нравишься!»

Она произнесла эти слова так естественно, что я отвлеклась: «Когда ты успела ослепнуть, чтобы увидеть это?»

- Это мое тело - всего лишь оболочка. Когда я внутри, я - это я, но когда ты внутри, ты - это ты. Независимо от того, какой путь избирает культиватор, разве не для всех существует эта догма, что тело - это просто убежище, где обитает душа? Кому взбредет в голову любить убежище, где обитает душа, а?

Я была поражена; я не ожидала, что однажды Чжи Янь скажет что-то, что сможет убедить меня вот так. Поэтому я спросила ее: «Тогда, всего минуту назад, почему ты не позволила Мо Цину прикоснуться к твоему убежищу?»

Чжи Янь на миг опешила, но быстро сообразила, что ответить: «Это другое дело! В любом случае... Я с самого начала говорила, что ты нравишься демону Ли. Просто ты не верила в это... Нет, не так... На самом деле, я думаю, что твое сердце уже должно полностью понять это, но ты просто не хочешь в это верить, вот и всё».

Я не нашлась, что сказать.

- Великая повелительница демонов, ты привыкла защищаться, поэтому ты абсолютно отказываешься иметь какие-либо ненужные иллюзии касательно других людей. Потому что если у тебя нет никаких ожиданий, то у других людей не будет возможности причинить тебе боль.

Я посмотрела на нее: «Откуда ты знаешь?»

- Я знаю, потому что мы были вместе столько дней. Если быть точной, ты хвастливая молодая барышня. Что касается меня, то я чувствую, что уже многое стала считать несущественным, но эти вещи стали такими только после того, как я испытала трудности и боль. Что касается тебя, то на первый взгляд ты больше похожа на человека, который ни о чём не беспокоится и которому все безразлично. Я не дотягиваю до тебя. Другими словами, страдания, которые я испытала, в несколько раз уступают твоим. - Чжи Янь повернулась, чтобы посмотреть на меня. - Ты великая повелительница демонов, которая заставляет других людей чувствовать себя несчастными из-за тебя.

Я уставилась на нее и некоторое время молчала.

- Если ты чувствуешь себя несчастной, начинай жалеть себя, - сказала я. - Я планирую вернуть покупку пилюли Воскрешения в график. Завтра ты потащишь свое израненное тело к подножию горы, чтобы найти людей, которые сожгут для меня призрачные деньги. Я та, кто пережила много страданий, поэтому с завтрашнего дня тяжелая ответственность за мое спасение будет возложена на тебя. - Я похлопала Чжи Янь по плечу. - Сначала я погреюсь в лунном свете, а ты останешься здесь, чтобы обдумать план, как завербовать больше людей, которые будут сжигать призрачные деньги.

Я неторопливо выскользнула из комнаты, в то время как за моей спиной раздавалась безудержная ругань Чжи Янь. Она утверждала, что я большая негодяйка.

Я поднялась на крышу и, закинув руки за голову, посмотрела на луну. Любуясь ночным небом, я размышляла.

Прямо сейчас, я знала о том, что маленький Уродец отличает меня и Чжи Янь. Я также знала о том, что я ему нравлюсь. Он скрывал это, опасаясь, что, узнав о том, что он видит меня насквозь, я больше не буду использовать тело Чжи Янь, чтобы развлекаться с ним...

На мгновение мне вдруг стало немного любопытно. Когда же этот Уродец полюбил меня?

Случилось ли это в то же время, что и у меня? Чувства проснулись с фразы «я заберу тебя отсюда», и весы сердца сдвинулись немного в сторону?..

Если нет, может ли быть так, что он испытывал симпатию ко мне немного дольше...

<http://tl.rulate.ru/book/29492/1079773>